

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XX

ВЕКА:

ИТОГИ СТОЛЕТИЯ

II международная
научная конференция
молодых ученых

Санкт-Петербург
пос. Поляны Ленинградской области

1-5 июля 2001 года

2 2 Для Пастернака творчество — «бессмертное общение между смертными»
Размышляя о смерти, искусство «творит этим жизнь» («Доктор Живаго») Преодо-
ление смерти «усильем воскресенья»

3 Предмет творчества — «неузнаваемая действительность»

3 1 «Смещение» восприятия как идентификация реальности (Пастернак, «Ох-
ранная грамота»)

3 2 Узнавание подлинного мира в его «опрокинутом» зеркальном двойнике
(Рильке, «Quai de Rosaire»)

4 Способ осуществления творческого акта у Пастернака и Рильке — персонификация вещей посредством зеркального удвоения

4 1 Рильке апофатическое постижение реальности, утрата субстанциальности предметов в поэтическом видении как путь за пределы ограниченного мира «неотраженных поверхностей» («Новые стихотворения»)

4 2 Пастернак зеркальное удвоение реальности — не только выход за грань обыденного существования, но и акцентированная саморефлексия вещей, наблюдающих себя со стороны («Сестра моя жизнь»)

5 Субъект творчества в лирике Рильке и раннего Пастернака

5 1 Трансформация реальности в лирике Рильке — есть и результат самосозерцания героя-художника, и причина его творческого становления («За книгой» и др)

5 2 Герой Пастернака застаёт мир уже изменившимся Он — лишь свидетель рефлектирующей о себе жизни («Зеркало» и др)

6 В «Охранной грамоте» Пастернак выдвигает теоретические положения, близкие поэтике Рильке (классические формулировки «мы перестаем узнавать действительность » и пр) Вопреки сложившимся в науке представлениям, эти принципы с большим основанием можно отнести не столько к лирике 1910-20-х годов, сколько к более поздним сборникам поэта Путь Пастернака к «неслыханной простоте» во многом обусловлен приобщением к поэтике творчества в лирике Рильке

Татьяна Быстрова

Москва

ПОЭМА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «ПЕРЕУЛОЧКИ»

И БЫЛИНА «ДОБРЫНЯ И МАРИНКА»:

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ И ПРОБЛЕМА ФИНАЛА

Цель работы — генетический и структурный анализ поэмы Марины Цветаевой «Переулочки» Эта поэма традиционно причисляется к произведениям, написанным Цветаевой на основе фольклорных сюжетов Общеизвестен тот факт, что в данном случае таковой послужила былина «Добрыня и Маринка», предположительно возникшая в XVII веке Обилие вариантов записей несколько затрудняет работу, поэтому при сравнительном анализе мы будем использовать три варианта былины, а именно те, которые могла прочесть Цветаева — тексты, записанные Гильфердингом, Рыбниковым и более поздний, но один из самых распространенных вариантов — текст Кириши Данилова

В существующих на сегодняшний момент попытках затронуть эту проблему не ставится вопрос ни о конкретных текстах-источниках, ни о редакциях былины, которые могла знать сама Цветаева. Сопоставление производится по гипотетическому сводному тексту. Многие исследователи при анализе данного произведения часто просто навязывают ему ряд малообоснованных истолкований.

«Для меня вещь ясна, как день, все сказано. Другие слышат только шумы, и это для меня оскорбительно», — пишет Цветаева в письме Иваску, негодуя, что он ничего не понял. Действительно, читать это произведение, не зная его контекста, невыносимо тяжело, практически невозможно. Дело здесь не только в том, что Цветаева редуцирует начало и конец былины и ретардирует центральный эпизод превращения, вследствие чего ряд событий остается за гранью ее повествования. Основные мотивы не исчезают: память, стрела, голуби, свадьба, чудесное спасение, гибель — все это есть и в цветаевском тексте, но несет в себе совершенно иной смысл, воспринимается на другом уровне.

Смещена оказывается и сюжетно-фабульная линия. Наказание матушки, первый приход Добрыни в переулочки, столь подробно представленные в былинах как важные элементы развития сюжета, у Цветаевой присутствуют, но лишь в виде намёка. Она акцентирует внимание как раз на том моменте, который не занимает в былинах ключевого места: на эпизоде заговора, приворота, он и становится кульминационным центром цветаевской поэмы.

Все эти преобразования дали повод польскому исследователю Е. Фарыно говорить о том, что в цветаевском тексте от былин «почти ничего нет, кроме, разве, мотива колдовства». Однако, сопоставление смыслообразующих мотивов этих произведений показывает обратное.

Автором данной работы проведен анализ трансформации основных мотивов поэмы. Отдельное внимание посвящено финалу поэмы, столь по-разному толковавшемуся литературоведами. Принимая во внимание наиболее авторитетные концепции, автор предлагает свое прочтение данного произведения.

Ольга Владимировна

Тверь

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД, ПЕРЕЛОЖЕНИЕ И ПОДРАЖАНИЕ КАК ТИПЫ «ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА»

Русские поэтические переложения, подражания и перевод изучаются, как правило, в трех аспектах

— как жанры, представительные для определенной эпохи (В. Сиповский, О. А. Чугунова, Е. В. Семенова),

— как разные варианты переводческой деятельности: более точные и более вольные воссоздания оригинала (работы в русле теории перевода А. Федорова, Е. Г. Эткинда, В. П. Топера),

— как особые проявления эстетики литературного направления (Г. А. Гукровский, А. Б. Шишкин).